

*Н.А. Бурнашев, профессор кафедры крими-
налистики Московского университета МВД
России, кандидат юридических наук*

УЗЛОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТА И СИСТЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Рассматриваются узловые проблемы определения предмета и системы криминалистики. Анализируются исторические аспекты и современные подходы к решению этих проблем. Отмечается, что попытки пересмотреть определение предмета криминалистики и ее структуру не прекращаются. Отдельные разработки в этой области вряд ли могут быть приняты учеными, практиками, преподавателями. Обосновывается преимущество пятизвенной структуры курса криминалистики.

Понятие предмета науки криминалистики на разных этапах ее становления и развития формулировалось по-разному. Изначально его определяли как способы совершения преступлений, профессиональные особенности и быт преступников, приемы расследования преступлений (Г.Ю. Маннс, 1921 г.) либо как изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника (И.Н. Якимов, 1924 г., 1925 г.). Позднее под предметом этой науки стали понимать приемы и методы обнаружения и исследования доказательств, используемых в целях раскрытия преступлений, обнаружения и опознания преступника (Б.М. Шавер, 1940 г.). А к середине 50-х гг. XX в. сложилось определение криминалистики как науки о технических средствах, тактических приемах и методических рекомендациях, относящихся к собиранию и исследованию доказательств в целях расследования и предотвращения преступлений (А.И. Винберг, 1947 г., 1952 г.). В 1967 г. было предложено определение предмета криминалистики как науки о закономерностях объективной действительности, изучаемых ею (Р.С. Белкин и Ю.И. Краснобаев, 1967 г.).

Позже Р.С. Белкин неоднократно уточнял и совершенствовал этот новый подход к пониманию криминалистики. В итоге им было предложено следующее определение: «Криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [1, с. 112]. Предложенный Р.С. Белкиным новый терминологический аппарат в системообразующем сочетании (закономерности, механизм преступления, информация) не мог не привлечь внимания ученых. Одни криминалисты одобряли дефиницию Р.С. Белкина, другие выступили с ее критикой.

Как известно, предмет криминалистики и ее определение тесно связаны с системой науки. Сложившаяся четырехчленная система криминалистики, казавшаяся достаточно удачной, тем не менее стала критически пересматриваться. Предложение выделить в криминалистике самостоятельный раздел «Организация расследования преступлений» поддержали многие видные криминалисты (А.А. Эйсмэн, А.М. Ларин, А.В. Дулов, А.Г. Филиппов и др.). Следует заметить, что на первых порах ученые в основном вели речь о перестройке науки криминалистики, а не учебного курса. В настоящее время в среде ученых четко просматриваются два параллельно существующих подхода к системе криминалистики. Одни ученые разделяют четырехчастную, другие, в том числе и автор настоящей статьи, – пятичастную систему. Надо заметить, что определение науки и четырехчастная система криминалистики, которую отстаивал Р.С. Белкин, признается не только рядом российских криминалистов, но и белорусскими и украинскими криминалистами (Г.Н. Мухин, М.В. Салтевский).

В то же время попытки пересмотреть и усовершенствовать определение криминалистики и ее систему учеными не прекращаются.

Ряд криминалистов возражают против включения в определение криминалистики закономерностей, считая их слишком абстрактной категорией (А.Н. Васильев, А.И. Винберг, И.Ф. Крылов, А.С. Железняк и др.). Некоторые из этих авторов предлагают взамен свои дефиниции, которые закладываются в умы новых поколений студентов, способствуя, как представляется, искаженному восприятию науки. Так, А.С. Железняк, предприняв, на наш взгляд, не очень успешную попытку критики определения Р.С. Белкина, предложил на суд научной общественности свое видение предмета этой науки. Согласно его трактовке, криминалистика является «наукой о средствах и методах обнаружения и исследования источников информации в уголовном судопроизводстве в целях получения достоверных сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу» [2, с. 10].

Мы полагаем, что это определение, несмотря на его лапидарность и кажущуюся новизну, вряд ли может быть принято на вооружение ученых, практиков и преподавательского состава вузов. Нам представляется, что это невозможно по следующим соображениям.

Во-первых, предложенная трактовка не только не разграничивает предметы криминалистики и уголовного процесса, что всегда было важной междисциплинарной задачей, но и в определенной мере затушевывает эти различия. Более того, мы полагаем, что данное определение больше по своему содержанию подходит к уголовному процессу, нежели к криминалистике. Предоставляем возможность вдумчивому читателю поразмыслить над этим очевидным аспектом самостоятельно.

Во-вторых, отказ автора от указания закономерностей в определении, думается, отбрасывает криминалистику назад, поскольку закономерности, как показал опыт, составляют важную знаковую доминанту этой науки.

В-третьих, использование в определении автором термина «информация» можно признать уместным, а отказ от основополагающего термина «доказательства» неизбежно способствует деривации криминалистики в сферу оперативно-розыскной деятельности, которая в большей своей части является невидимой (латентной) сферой знаний. В данном аспекте все это не способствует усилению прозрачности, доступности и эффективности использования достижений криминалистики в сфере доказывания.

В-четвертых, отказ автора от упоминания в определении средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений сужает сферу обслуживания и обеспечения этого сектора правоохранительной деятельности.

Подводя итог сказанному, следует констатировать, что имеются серьезные побуждения для обоснованных сомнений в безупречности предложенного А.С. Железняком определения криминалистики. Внимательный и заинтересованный читатель при желании может найти немало схожих дефиниций в различных изданиях, которые бьют мимо цели, дезориентируя специалистов.

Тем не менее, следует отметить и то обстоятельство, что критика нами одного из оппонентов определения Р.С. Белкина вовсе не означает, что дефиниция последнего полностью отвечает предъявляемым требованиям к одной из важнейших центральных и знаковых проблем криминалистики.

Со своей стороны мы пришли к убеждению, что определение Р.С. Белкина на сегодняшний день требует пересмотра по ряду объективных и субъективных соображений. Но этот процесс, на наш взгляд, должен быть эволюционным, а не революционным, контрпродуктивным, как это нередко бывает, приводя к уничтожению накопленного в науке позитива.

Думается, назрела необходимость привести в соответствие изменившуюся систему криминалистики с определением этой науки, поскольку эти «ножницы» между первым и вторым постоянно дают о себе знать и создают представление о незавершенности науки. Причем разработка проблем системы криминалистики в настоящее время явно опережает исследования ее предмета. Наметившийся дисбаланс, асимметрию, перекося в науке необходимо устранить.

Мы не разделяем позицию авторов, которые предлагают отказаться от упоминания закономерностей в определении данной науки (А.Н. Васильев, А.И. Винберг, И.Ф. Крылов и др.). Мы считаем, что надо четко обозначить их место в формулировке. Мы убеждены, что упоминание закономерностей в начале определения представляется весьма спорным. Указание на закономерности в начале определения криминалистики неизбежно ориентирует науку на гипертрофированное абстрагирование, что делает ее, по меткому суждению Г.А. Зорина, «сверхнаукой о всей нашей жизни, ее „болезнях“» [3, с. 11]. Полагаем, что такой уровень абстрагирования для криминалистики вряд ли будет плодотворным, поскольку она является теоретико-прикладной наукой.

В определении криминалистики должно найти сочетание абстрактности изучаемых наукой явлений и их конкретности. Например, типовая криминалистическая характеристика мошенничества в методике расследования преступлений в определенном смысле абстракция, модель, но ее результаты могут использоваться при расследовании факта конкретного мошенничества. Такая взаимоувязанная сбалансированность абстрактного и конкретного, теоретического и прикладного способна обозначить выверенный перспективный вектор стратегического развития криминалистики.

Мы полагаем также, что из определения криминалистики должна просматриваться ее система, чего нет в определении Р.С. Белкина и многих других авторов. Кроме того, в рассматриваемом определении криминалистики необходимо четко расставить приоритеты. Думается, на первое место в нем можно обоснованно поставить общетеоретические, технические, организационно-тактические и методические аспекты и лишь на основе реализации этого криминалистического арсенала можно переходить к познанию закономерностей, а не наоборот, как это делали раньше и еще делают сейчас.

В определении предмета криминалистики должно быть указание на получение информации о преступлении и его участниках. В.Я. Колдин предложил обобщенный термин для ее наименования. Такую информацию он называет «уголовно релевантной» [4, с. 23]. Заметим, что в дальнейшем эта информация функционирует в целях возможного использования ее в перспективе в качестве доказательств, что позволит сделать более прозрачным, зримым и понятным обычно латентный и сложный процесс перехода от информации к доказательствам. Указание в исследуемом определении на зако-

номерности имеет, на наш взгляд, как теоретическое, так и прикладное значение. Как известно, раньше они чаще обозначались в аспекте лишь теоретической значимости.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что криминалистика – это наука об общетеоретических, технических, организационно-тактических и методических средствах и приемах, направленных на собирание, исследование, оценку и использование источников об уголовно-релевантной информации и их отражений, а также основанных на их познании закономерностей функционирования доказательств в уголовном судопроизводстве в целях эффективного, быстрого и полного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Таковы наши представления о сложившихся на сегодня предмете и системе криминалистики. Дальнейший их анализ, думается, будет способствовать уточнению и развитию существующих концепций этой науки.

Библиографические ссылки

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. М. : Юристъ, 1997. Т. 1. Общая теория криминалистики.
2. Железняк, А.С. Теоретические основы криминалистики : учеб. пособие / А.С. Железняк. М. : МГИУ, 2005.
3. Зорин, Г.А. Теоретические основы криминалистики / Г.А. Зорин. Минск : Амалфея, 2000.
4. Колдин, В.Я. Предмет, методология и система криминалистики / В.Я. Колдин // Криминалистика социалист. стран / под ред. В.Я. Колдина. М., 1986.

Н.В. Кочерова, докторант Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ЖЕНЩИНАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ ПРИ ОПАСНОМ И ОСОБО ОПАСНОМ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматриваются важные для теории и практики деятельности исправительных учреждений вопросы организации и проведения работы с женщинами, осужденными при опасном и особо опасном рецидиве преступлений. Определяются причины и условия, способствующие совершению преступлений женщинами, и пути их устранения.

Актуальность данной статьи определена важностью проблемы обеспечения противодействия женской преступности. Значимость и необходимость изучения данной проблемы определяются острой необходимостью разработки и внедрения комплексных программ предупреждения преступности, в том числе женской.

П.И. Люблинский в 1930-е гг. писал: «Совершив свое первое преступление и попав в тюрьму, женщина быстро падает вниз по наклонной плоскости и лишь в редких случаях находит достаточно сил в себе самой и достаточно поддержки в окружающих, чтобы вернуться к честной трудовой жизни. Новые осуждения быстро следуют одно за другим. И через несколько лет мы имеем перед собой вполне сложившийся тип преступницы-профессионалки, шансы на исправление которой весьма сомнительны» [1, с. 14]. В сознании и поведении женщины-рецидивистки преобладает глубокая антиобщественная установка, которая является следствием совокупности экономических, социальных, психологических и нравственных причин и условий, объективно существующих в обществе.

Нами проведено исследование личности женщин, осужденных при опасном и особо опасном рецидиве преступлений, отбывающих наказание в виде лишения свободы в колонии общего режима ФГУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области (далее – ИК-1). При проведении исследования нами были изучены 144 личных дела женщин, осужденных при опасном и особо опасном рецидиве преступлений, отбывающих наказание в вышеуказанной колонии. Предварительно были разработаны опросные листы для сотрудников ИК-1 и анкеты для осужденных. Проведено анкетирование осужденных женщин.

Так, проведенные нами исследования показали, что в ИК-1 по состоянию на 1 ноября 2008 г. при лимите наполнения 687 человек отбывали наказание в виде лишения свободы 870 осужденных женщин, что превышало лимит на 27 %. Следует отметить, что в учреждении девять отрядов. Изолированно от других осужденных содержатся в отдельном отряде 144 женщины, осужденные при опасном и особо опасном рецидиве преступлений, что составляло 16,5 % от общего числа осужденных.

Личность осужденных, совершивших преступления при рецидиве, изучается по признакам, составляющим ее социально-демографическую, уголовно-правовую и уголовно-исполнительную характеристики [2, с. 357] (табл. 1, 2, 3, 4, 5, 6).

Сравнительный анализ осужденных женщин в целом по ИК-1 и в отряде № 8, где содержатся женщины, осужденные при опасном и особо опасном рецидиве преступлений: